

Ирена Рудзевич

Прошлое и современность в творчестве Ирины Ратушинской

Studia Rossica Posnaniensia 37, 301-308

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ИРИНЫ РАТУШИНСКОЙ

PAST AND CONTEMPORANEOUSNESS IN IRINA RATUSHINSKAYA'S OUTPUT

ИРЕНА РУДЗЕВИЧ

ABSTRACT. Russian poet Irina Ratushinskaya's poetic output was presented in the article by paying attention to two aspects in her creativeness. The subject of the past is connected with Polish roots, Polish subject matter, religion and faith. Elements of contemporaneity are found in works about constraint, persecution, the fight for democracy and freedom, and describing the lack of agreement to restrict an individual's freedom.

Irena Rudziewicz, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski, Olsztyn – Polska.

Литературное творчество Ирины Ратушинской в официальной русской печати появилось в 1990 году, вливаясь в широкий поток современной русской литературы¹. После многих лет преследований, репрессий, обысков, допросов, арестов и присуждения к семи годам лагерей и пяти годам ссылки за антисоветскую пропаганду и антигосударственную агитацию, Ратушинская, благодаря натискам общественности, в декабре 1986 года вместе с мужем оставляет Советский Союз и уезжает в Лондон, где живет до сих пор, пишет стихи, издает сборники, печатает воспоминания, эссе и книги. В 1989 году появились ее лагерные воспоминания *Серый цвет надежды*, которые стали очень популярными, были переведены на многие языки мира и, как говорит в интервью поэтесса, „moja książka *Szara barwa nadziei* stała się bestsellerem w trzech krajach, zaś wydano ją ogółem w 17 językach”².

Ратушинская родилась 4 марта 1954 года в Одессе, в семье польского происхождения. Училась в школе, окончила факультет физики в Одесском уни-

¹ См. И. Р а т у ш и н с к а я, *Стихи*, „Дружба народов” 1990, № 1, с. 130–133; „Знамя” 1990, № 1, с. 74–82; „Литературное обозрение” 1991, № 12, с. 7–14 и др.

² *Wiersze są jak koty*, [rozm. z I. Ratuszyńską], „Tygodnik «Solidarność»” 1990, nr 49, с. 16. Inne wywiady i rozmowy zob. m.in.: *Wywiad z Iriną Ratuszyńską*, „Kultura Niezależna” 1988, nr 40, с. 24–34; *Szczyt Gorbiego*, [z I. Ratuszyńską rozm. M. Cichoński], „Opinia” 1990, nr 35, с. 8–9; *Nigdy nie wierzyłam w Gorbaczowa*, [z I. Ratuszyńską rozmawiają M. Cichoński i T. Merta], „Fortuna” 1991, nr 2, с. 29.

верситете, работала, преподавая математику и физику в школе. Некоторое время была ассистенткой в Педагогическом институте, откуда ушла, не соглашаясь с трактовкой молодых евреев, поступающих в вузы. В 1979 году уезжает вместе с мужем в Киев и там начинает литературную деятельность, создавая критические и сатирические произведения, которые издавались нелегально, печатались подпольно, в самиздатах, появлялись в рукописях или в эмиграционных русскоязычных журналах, газетах, издательствах.

Вместе с мужем Ратушинская принимала участие во всевозможных формах общественного протеста против существующих тогда норм, законов и порядков, выражала свое прямое сопротивление режиму и власти, пытаясь уехать из Союза. Супруги, однако, не получали паспортов, их стали преследовать, они не могли достать постоянную работу, многократно подвергались задержкам, допросам и обыскам. Несмотря на это, они писали воззвания и обращения, протесты и призывы, которые печатали в нелегальных издательствах, редактировали и распространяли подпольную и эмиграционную прессу, нелегальную литературу.

В проблематике поэзии Ратушинской, несмотря на ее тематическое и стилистическое разнообразие, четко просматриваются, как нам кажется, две линии, где сочетается прошлое и настоящее, бывшие события и современная действительность. Прошлое, находящее свои отголоски в творчестве и высказываниях поэтессы, связано прежде всего с польским происхождением, с польским национальным сознанием, с религиозными мотивами и элементами веры. В школе, институте, на работе Ратушинская пользовалась русским и украинским языком. Дома, в родной обстановке, слышала польский язык, на котором разговаривали и ругались дедушка с бабушкой, чтобы их не понимали дети.

I mowa polska w rodzinie – ani mru-mru! – została wypleniona. A i tak babcię, głęboko wierzącą katoliczkę, ile razy ciągnięto do KGB za chodzenie do kościoła!³

– вспоминает поэтесса. И добавляет, что:

zostałam ochrzczona przez babcię i dziadka w tajemnicy przed rodzicami i dowiedziałam się o tym również w tajemnicy na łożu śmierci babci. Poczułam się jednak chrześcijanką w wieku 23 lat i wówczas zaczęłam się poczuwać do odpowiedzialności za moje pokolenie⁴.

Прадед Ратушинской, поляк, погиб во время восстания 1863 года. В наказание его имение было конфисковано, а семья переехала в Одессу. Прадеду поэтесса посвятила одно из многих стихотворений, в которых слышатся польские мотивы:

³ I. R a t u s z y ń s k a, *Moja ojczyzna*, [в:] ее же, *Mój kraju znieawidzony*, wybrał i przeł. W. Woroszyński, Londyn 1987, с. 67.

⁴ *Wiersze...*, указ. соч.

Моему бесправному прадеду –
подпоручику гражданской войны.

Dwie wiorsty od Dźwiny –
z kulą w gardle,
w ostatniej meście,
pośrodku swojej wojny czarnej
białosiny
ty na wieku rozpostarłeś ręce.
Na jasnym rubaszki krzyżu
jest krew dziwo, czy nie błękitna?

...

Twoja burza, ścichła w długiej nocy.
A za nami
hańba stąpa w służalczych pochodach.
Lecz nadane mi zostały twoje oczy
jako przekleństwo
i jak nagroda⁵.

Отголоски польского происхождения слышны во многих лирических стихотворениях Ратушинской. Даже в тюрьмах и лагерях мысль об извечной непокорности польского народа, об его вековой борьбе и героических сражениях за свободу и независимость помогала ей мужественно переносить все испытания, выпавшие на ее долю, не сдаваться, не падать духом и не идти на уступки. „I wszystko nałożyło się na buntownicze porwy, jakie tkwiły we mnie zawsze, jak długo siebie pamiętam. Czy to polskie geny szaleją?”⁶, – раздумывала многократно поэтесса.

Отзвуки бывших сражений доходят до нее и сквозь лагерные и тюремные стены, вызывая уверенность в том, что нужно постоянно проявлять силу духа, оказывать сопротивление, выражать несогласие с государственной системой и порядками тоталитарного строя, частью и символом которого являются лагеря.

⁵ I. Ratuszyńska, *Dwie wiorsty od Dźwiny...*, tł. Ingratus; см.: T. Patrzalek, *Mój ty kraju znienawidzony (O poezji Ireny Ratuszyńskiej)*, [в:] *Glosariusz. Od Młodej Polski do współczesności*, Wrocław–Warszawa–Kraków 1991, с. 393–394. О творчестве poetki zob. m.in.: I. Rudziewicz, *Wątki polskie w twórczości Ireny Ratuszyńskiej*, „Przegląd Wschodni” 1992–1993, t. II, z. 4 (8), с. 947–951; она же, *Лагерные и религиозные мотивы в поэтическом творчестве русской эмиграционной поэтессы Ирины Ратушинской*, [в:] *История и современность в русской литературе*, pod red. K. Prusa, Rzeszów 1999, с. 225–237; она же, *Религиозные и польские мотивы в поэтическом творчестве Ирины Ратушинской*, [в:] *Актуальные проблемы литературы: комментарий к XX веку*, Калининград 2001, с. 205–217; I. Tarkowska, *Мотивы творчестве Ireny Ratuszyńskiej*, „Przegląd Rusycystyczny” 1994, nr 3–4, с. 173–186; она же, *Мотивы творчестве Ireny Ratuszyńskiej*, „Studia Literaria Polono-Slavica”, Warszawa 1996, t. 2, с. 93–103.

⁶ I. Ratuszyńska, *Moja ojczyzna*, указ. соч., с. 67.

В нелепом мундире старинных войск
Промчал по мерзлым полям.

[...]

И запели трубы былых полков
Смертью и серебром

[...]

И что там могло так странно звенеть –
Мне было не различить.
Но рвануло сердце на этот звон,
И усталость крылом смело⁷.

Поэтесса постоянно подчеркивает, что в мире все взаимосвязано и поэтому для человека естественно искать свой род, свои корни, родственные связи. Поэтесса многократно возвращается к истории семьи, к прошлому, к связям с Польшей, ее культурой, литературой, историей, языком и современными событиями. Польские мотивы у Ратушинской очень разнообразны. Иногда они выступают в форме литературных намеков, воспоминаний о детстве или откликов на актуальные, современные события в Польше.

В июле 1982 года Ратушинская пишет стихотворение, в котором личные, лирические мотивы тесно переплетены с политическими. На фоне ночной панорамы Гданьска, после введения в Польше военного положения поэтесса размышляет о необходимости полной свободы, для каждой личности, о формах сопротивления и протеста со стороны индивидуального человека и общества, о неизбежности многих потерь, и даже жертв, во время этого протеста. В стихотворении дается оригинальная характеристика нашей страны, своеобразных черт народа.

Реалистический образ ночного города и польские мотивы становятся поводом для серьезных обобщений, для раздумий о трудных, порой трагических судьбах. Картины повседневной жизни в условиях военного положения побуждают поэтессу к психологическим и философским размышлениям, к морально-этическому синтезу.

Nie prześliznę się przez sito patroli,
Nocnym Gdańskiem, przez wiatru łopot.
Jak zraniony pies, serce wlecze się, boli –
Gdyby znać to potrzebne słowo!
Polskie słowo
Daruje wolność i życie!
Wszystkie pieśni bez żalu oddam
Byle resztkę tchu, na koniec wykrzyzczeć
Tę podniebną odę!⁸

⁷ И. Р а т у ш и н с к а я, *А в этом году подуло весной...*, „Знамя” 1990, № 1, с. 81.

⁸ I. R a t u s z y Ń s k a, *Mój ty kraj...*, указ. соч., с. 46.

Возвращение в прошлое, польские мотивы, вновь и вновь в разные годы повторяющиеся в творчестве Ратушинской, вызваны тоже и ее симпатией к нашей стране, увлечением культурой и литературой Польши, хотя

[...] polskiego uczyłam się już z książek, a literaturę polską czytałam w wymiarach dopuszczonych przez sowiecką cenzurę, pierwsze zaś wyobrażenie o polskim charakterze narodowym uzyskałam z dzieł zwiastuna rewolucji Maksyma Gorkiego, i były to brutalne wymyślenia, taktownie włożone w usta Cyganki (mimo wszystko prosta kobiecina, nie kształcona politycznie, nie zaś sam autor)⁹.

В течение шести тюремных месяцев Ратушинская по-настоящему познакомилась с польской литературой, которая неизвестно как и почему находилась в следственных камерах:

Literaturę polską – говорит в интервью польской прессе поэтесса – poznałam dzięki pomocy KGB. Gdy zostałam aresztowana, to przed rozprawą sądową trzymano mnie przez ponad sześć miesięcy w więzieniu śledczym. Było tam sporo polskich książek. Powieści Henryka Sienkiewicza, były książki Orzeszkowej, a nadto zabłąkał się tam nie wiadomo w jaki sposób *Król Maciuś I* Janusza Korczaka, którego czytałam we wczesnym dzieciństwie w ukraińskim tłumaczeniu. Spotkałam więc starego przyjaciela¹⁰.

Чувство национальных корней, детские переживания, прошлые воспоминания неоднократно носят у Ратушинской религиозный характер, хотя, как уже было отмечено, о религии поэтесса узнала поздно, как и о своем польском происхождении. И захотела побольше познать веру, Бога, ощутить силу верующих, их доброту и устойчивость. И это стремление перелилось в разговор о современности, об актуальных чувствах, переживаниях, сомнениях и вопросах.

U wezłównia krzyżyk prosty
 babcia moja kładła skrycie.
 Pewnie z góry już wiedziała,
 że w piwnicach kagebowskiich
 przyda mi się czystość ciała.
 Ile szeptów, znaków krzyża
 i zaszyć na ciepłej chustce,
 by mnie zima nie zagryzła
 tutaj, w cementowej pustce¹¹.

Помня о бабушке, ее глубокой и искренней вере, частых по-польски молитвах и посещениях костелов, Ратушинская с болью, тоской и грустью пи-

⁹ I. R a t u s z y ń s k a, *Moja ojczyzna*, указ. соч., с. 66.

¹⁰ *Wiersze...*, указ. соч., с. 16.

¹¹ I. R a t u s z y ń s k a, *Wiersze*, тл. Ingratus, „Kultura Niezależna” 1987, nr 27, с. 68. Тłumaczenia innych utworów zob. m.in.: ee же, *Wiersze*, тл. W. Woroszyński, „Obecność”, Wrocław 1986, nr 16, с. 11–13; „Kultura” (парыска) 1986, nr 7–8, с. 119–126; „Kultura Niezależna” 1987, nr 28, с. 58–61; „Tygodnik Powszechny” 1990, nr 24, с. 14.

сала о разрушенных и брошенных храмах, разбитых алтарях и иконах, где „Богородица тихо скорбит”, что ее чадо могут „и в этом народе – распять ...”. Мотив поругания, уничтожения святынь повторяется у Ратушинской многократно, становясь своеобразным лейтмотивом. В стихах она часто задает вопрос, когда Бог простит человеку, обществу и народу осквернение святынь и храмов, заваленных мусором; выражает понимание первоосновательности проблем веры, значения религии; показывает драматичность положения верующих на протяжении многих лет, у которых, несмотря на страшные переживания, заботы, преследования, отсутствует злоба, ожесточение, личная и общественная озлобленность, а чувствуется вера в победу добра и справедливости, вера в лучшие времена и лучшую жизнь.

Сколько нам отмывать эту землю
От насилия и от лжи?
Внемлешь, Господи? Если внемлешь,
Дай нам силы, чтоб ей служить¹².

Произведения, касающиеся религиозной тематики, написаны чаще всего в форме гимна, молитвы, обращения к Богу с просьбой дать силу, выдержку не только отдельным людям, но и всему народу, родине, стране в борьбе с существующими порядками тоталитарного государства. В этих стихах личного плана начинает преобладать современная линия творчества поэтессы. Лагерные испытания, выпавшие на ее долю, Ратушинская старается переносить мужественно, не сдаваться, не падать духом, не соглашаться и не идти на уступки, несмотря на все новые наказания и добавочные репрессии. Ее били, сажали в карцер (поэтесса провела там 138 дней), морили голодом, не разрешали писать, встречаться с близкими, преследовали. Она часто болела, пережила сотрясение мозга, грибковые заболевания, сыпной тиф, но не сдалась и не написала ни одной жалобы или просьбы. Она верила, что необходимо проявлять постоянную силу духа, преступая все установленные в лагере нормы, порядки, законы, выражая этим сопротивление, несогласие со всей государственной системой, которой лагерь является выражением.

Новые жизненные испытания, современный материал, полный драматизма и трагедийности бытия, тюремные, лагерные, эмиграционные переживания позволяют поэтессе яснее увидеть и глубже оценить общечеловеческие ценности, законы и нормы, духовные и культурные достижения XX века, более внимательно взглянуть в судьбу личности, родины, мира, в ценности жизни на земле и задуматься над „вечными” вопросами существования человечества. Современная общественная проблематика соединяется в ее поэзии с желанием осмыслить время и судьбу человека в нем, с поиском ответов на

¹² И. Р а т у ш и н с к а я, *Помню брошенный храм под Москвою...*, „Дружба народов” 1990, № 1, с. 132.

истории, культуре и религии, ведь все мы соединены в едином Времени, среди общей всем Природы, в необъятной Вселенной.

Napiszę o ludziach, smutnych cieniach,
Którzy zostali tam, na brzegu.
O zasądzonych na milczenie
napiszę. I spałę. Tak trzeba¹⁴.

¹⁴ I. Ratuszyńska, *Wiersze*, tł. A. Ziemny, „Literatura” 1989, nr 6, c. 10.